

УДК 821.111(540)-1
DOI 10.20339/PhS.6s-22.115

Ш.А. Кулиева, Н.В. Щенникова

Транслингвальная поэзия Рупи Каур

Работа посвящена осмыслению проблемы транслингвизма в современной английской поэзии. Опираясь на исследования отечественных и зарубежных ученых, авторы приходят к выводу, что транслингвизм — не только практика переключения кодов и способность автора творить на языке, являющемся для него усвоенным, но и создание особого типа нарратива, который выстраивается исходя из логики этнически первичной культуры: ее паттернов, архетипических субстратов, ключевых тем и мотивов. Материалом исследования послужили произведения современной канадской писательницы индийского происхождения Рупи Каур, в частности книга стихов “The Sun and her Flowers”. В зоне особого интереса — глава «Ускорение», посвященная проблемам иммиграции, поиска онтологических координат, идентичности и языка.

Ключевые слова: транслингвизм, нарратив, иммиграция, сикхизм, идентичность, Рупи Каур.

The article is devoted to understanding the problem of translanguaging in modern English poetry. Based on the research of domestic and foreign scientists, the authors come to the conclusion that translanguaging is not only the practice of switching codes and the ability of the author to create in a language that is learned for him, but also the creation of a special type of narrative, which is built on the basis of the logic of an ethnically primary culture: its patterns, archetypal substrates, key themes and motifs. The material of the article was the works of the modern Canadian writer of Indian origin Rupi Kaur, in particular, the book of poems *The Sun and her Flowers*. In the zone of special interest is the chapter “Acceleration”, devoted to the problems of immigration, the search for ontological coordinates, identity and language.

Keywords: translanguaging, narrative, immigration, Sikhism, identity, Rupi Kaur.

Введение

В науке постнеклассической рациональности знание является ризоматическим: оно перестает произрастать из одного «корня», но становится все более полигенеративным, находя множественные центры собственной самоактуализации. Современный мир усложнился. Его космополитическая распаханность диктует новые правила: дискурсивные практики осуществляются не только под знаком междисциплинарного синтеза, но и в русле транскультурной эпистемы, которая предполагает, что моноконструкты «одна нация — один язык» более нежизнеспособны. Не случайно исследователи сегодня говорят о транслингвизме как особом модусе существования текста — как художественного, так и узуального.

Исследовательница З.Г. Прошина полагает, что под транслингвальностью понимают плавный синергетический переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние, при этом отсутствует полная ассимиляция и сохраняется лингвокультурная идентичность пользователей языков, а также создается смешанный дискурс [1]. Транслингвальность — это практика создания нового образа мира, комплеккативного по своей сути. Транскультурные потоки в подобном тексте не смешиваются, порождая единое русло нарратива; напротив, происходит расслоение эстетического феномена, когда каждая семиотическая «струя» дифференцируется как органически самостоятельная. М.В. Тлостанова называет такие элементы «сохраняющими право на непрозрачность» [2]. Маркером транслингвальной литературы становится культурная синергия — объединение культурно-гетерогенных элементов, приводящее к созданию качественно нового образования, превосходящего сумму этих элементов.

Исследователь транслингвальной литературы Стивен Келлман пишет:

I define literary translanguaging as the phenomenon of writers who create texts in more than one language or in a language other than their primary one [3. P. 337].

Таким образом, писатель-транслингв — человек, принадлежащий одной культуре, но творящий на языке другой. Этот язык может быть освоен в силу различных экстралингвистических факторов, которые затрагивают как геополитические аспекты развития общества, так и частные факты отдельно взятых языковых биографий. Рассуждая о причинах интенсификации транслингвальных тенденций в литературе, исследователь подчеркивает:

Imperialism – military, political, cultural, or commercial – accounts for another large share of translanguaging. The hegemony of a conquering culture accounts for many of the texts composed in Arabic, Chinese, Latin, Persian, and Sanskrit by non-native speakers. In modern times, control of Africa and Asia by colonial European powers ensured that indigenous writers chose English, French, or Portuguese as their literary medium, rather than Bengali, Vietnamese, Fulani, Malayalam, or Zulu [Ibid. P. 341].

Еще одну причину исследователь усматривает в социально-экономическом аспекте:

In the modern global economy, commercial pressures can be as persuasive as military and political ones in inducing writers to switch languages. Certain world languages – Arabic, Chinese, English, French, Spanish – promise access to a much more extensive readership than, say, Finnish, Khmer, or Tajik. A native speaker of one of the latter who wants to write a bestseller, or merely earn a living, might consider it prudent to adopt a language with a wider currency [Ibid.].

Не случайно отношение к усвоенному языку у различных писателей варьируется. Так, некоторые из них воспринимают его как знак не изжившей себя колониальности, язык-поработитель, который замалчивает их этническую самость. В некоторых случаях, как справедливо подчеркивают ученые [4], язык становится «культурным мостом» к более широкому перцептивному полю и способствует ревитализации первичной культуры [5].

Особенность транслингвальной литературы – в симбиозном сочетании традиций нескольких культур. Яркий пример – литература, создаваемая азиатскими авторами на английском языке, в которой паттерны восточного миропонимания конструируются с нарративными практиками усвоенных языковых традиций. Писатели-транслингвы не только излагают собственный транснациональный опыт – их творчество становится маркером транскультурных тенденций в обществе.

Результаты исследования и их обсуждение

Писательница Рупи Каур – канадка индийского происхождения, на сегодняшний день названная «голосом десятилетия»¹ и являющаяся одним из наиболее авторитетных инста-поэтов современности. Она автор трех сборников стихов: “Milk and Honey” (2014), “The Sun and her Flowers” (2017), “Home Body” (2020). Каур иммигрировала в Канаду в раннем возрасте вместе со своей семьей, спасаясь от преследования сикхов со стороны ортодоксальных мусульман. Первый нарративный опыт – опыт человека, который готов поделиться своей историей с миром, – осуществился на площадке Instagram в 2009 г. Поэзия Каур, стилистически упрощенная с точки зрения языка, исследует южноазиатскую идентичность, женственность и иммиграцию. Ее стихи атрибутируют рисунки, исполненные в линейной технике.

Каур родилась в Пенджабе в семье сикхов; ее семья переехала в Канаду, когда девочке было три года. Отец, не присутствовавший при рождении дочери, уехал из Индии еще раньше и присылал матери Каур стихи. Поэзия стала аспектом веры и духовности будущей писательницы. В Канаде ее родители неоднократно подвергались расовой дискриминации; это выработало в Каур паттерны скрытного поведения. Мотивы выживания становятся впоследствии для ее поэзии частотными [6].

Каур освоила английский язык в возрасте десяти лет. Акцент, унаследованный от матери (проблеме изоляции, в том числе лингвистической, посвящено одноименное стихотворение «Акцент» в сборнике “The Sun and her Flowers”), заставлял ее испытывать острое чувство неполноценности; впоследствии оно переросло в отвращение к английскому языку и неспособность социализироваться посредством него в новой реальности. Какое-то время отказ от английского языка стал означать фактическое молчание. К обретению голоса ее привело писательство, ставшее для нее профессиональной деятельностью [Ibid.].

На протяжении всего периода обучения в старшей школе Каур писала анонимно. Примечательно, что Каур – псевдоним, взятый поэтессой в качестве манифеста своей жизненной и по-

¹ По оценке издания *New Republic*.

литической позиции. Каур — классовое имя сикхской женщины, борющейся с кастовой системой в Индии. Сикхское государство было разгромлено в 1849 г. Британской империей, что дало импульс массовой эмиграции в Британию и Северную Америку. Центрами диаспоры являются Великобритания, Италия, Канада, Малайзия, Восточная Африка, Австралазия и Таиланд [7].

В культуре сикхов при рождении все мальчики нарекаются именем Сингх, все девочки — Каур. По достижении определенного возраста сикхи обязаны вступать в брак; развод является в их культуре табу. Каста и происхождение будущего супруга значения не имеют. На протяжении всей жизни сикх обязан иметь при себе пять предметов, выступающих его идентификаторами: кеш (нетронутые волосы), кангха (деревянный гребень), кара (стальной браслет), качча (нижняя одежда до колен), кирпан (кинжал, спрятанный под одеждой). Таким образом, внешние атрибуты, связанные с телесным, являются важными элементами культуры сикхов. Не случайно в поэзии Каур категории телесного отводится значительное место.

Еще важнее культурный базис, из которого произрастает ее поэзия. С точки зрения религии сикхов, которая является монотеистической, на земле не существует единственного гуру, познавшего Бога: только Бог знает Себя самого. Возникнув на стыке индуизма и ислама, сикхизм проповедует преданность Богу, не требующую исполнения канонических ритуалов. Гуру Нанакком создан учение, в соответствии с которым Бог территориально не ограничен: это все пронизывающий Творец, чье истинное имя никто не знает. Цель творения также известна лишь Богу. Он не покровительствует лишь одному народу, источая любовь и милосердие ко всему живому. Его присутствие в мире диалектично. С одной стороны, Бог есть Абсолют (Ниргун), с другой — индивидуальное проявление в каждом человеке (Саргун). До акта творения Бог существовал как Абсолют, но выразил Себя в процессе космогонии, обретя Свое имя. Так появилась природа (отметим, что она составляет лейтмотив творчества Каур), в которой Бог явлен. Он не рожденный вечным, непостижимым и неопишущим: поклоняться ему можно лишь медитацией и пением молитв, которые имеют общие синкретические основания с искусством поэзии.

Человек в миропонимании сикхов существует всегда: до своего рождения, в земной жизни, которая определяет его индивидуальность, и после смерти, которая трактуется как возвращение к Абсолюту, в котором он пребывает вечно. Задача его на земле — расширить границы своего сознания настолько, чтобы вместить в него других, сделать их частью себя. Любовь и братские отношения ко всем людям Земли составляют основу сикхизма. Правоверный сикх — человек свободной воли, уважающий свободу других. Обладая волей, люди тем не менее погружены в природный «контекст» естественных законов Вселенной, идти против которых не имеет смысла. Самое порицаемое качество человеческой личности — эгоизм. Люди должны возвыситься над своим «я», поднимаясь до уровня семьи, общества, природы и Бога. Не исповедуя ни аскетизма, ни гедонизма, сикхи выбирают великий срединный путь. В каждом человеке явлен Бог. Это отношение находим уже в посвящении книги “The Sun and her Flowers”:

to my makers
kamaljit kaur and suchet singh
i am. because of you.
i hope you look at us
and think
your sacrifices were worth it².

Отношение к родителям как творцам жизни, безусловно, произрастает из культурного базиса, который был впитан Каур еще с детства. В стихотворении “My God” актуализировано отношение Каур к Богу, которое сформировалось под влиянием культуры сикхов:

² Каур Пуни. The Sun and her Flowers. М.: Эксмо, 2021. С. 3.

my god
 is not waiting inside a church
 or sitting above the temple's steps
 my god
 is the refugee's breath as she's running
 is living in the starving child's belly
 is the heartbeat of the protest
 my god
 does not rest between pages
 written by holy men
 my god
 lives between the sweaty thighs
 of women's bodies sold for money
 was last seen washing the homeless man's feet
 my god
 is not as unreachable as
 they'd like you to think
 my god is beating inside us infinitely³.

Бог Каур — в дыхании эмигранта, бегущего из страны; в голодном чреве ребенка; меж потных бедер женского тела, проданного за деньги. Он бьется в каждом человеке не переставая. Это понимание отходит от представлений, навязанных обществу западным религиозным дискурсом, и транслирует ценностные смыслы исходной для Каур культуры.

Над книгой “Milk and Honey” Каур начала работать с 18 лет. Книга была переведена на 25 языков. Второй сборник — “The Sun and her Flowers” — Каур рассматривает как непрерывный метатекст, единое стихотворение, «продолжающееся на 250 страницах».

В письме *гурмуки*, которое является для семьи Каур первичным, отсутствует концепция разделения на строчные и прописные буквы. Отдавая дань уважения языку *панджаби*, Каур пишет строчными буквами, избегая всех пунктуационных знаков, кроме точки. Поэтесса называет себя апологетом «равноправия букв» и отмечает, что такой стиль выражает ее мировоззрение [8]. По мнению Каур, ее связь с культурой Южной Азии настолько непреложна, что полное ее понимание западными читателями становится для нее неважным⁴.

Поэзия для Каур — форма исцеления, поэтому кооперация с аудиторией, несмотря на коммерческий успех ее стихов, не является для нее первостепенной. Она называет себя представителем поколения писателей-мигрантов, способных транслировать ценности этого поколения⁵. Язык Каур разговорный, порывающий со стандартами классической английской поэзии. Мотивы ее творчества произрастают из индивидуальной биографии: проблем индийских женщин, в частности матери; дисморфофобии; иммиграции.

Мы не можем не согласиться с У.М. Бахтикиреевой, которая предлагает изучать творчество транслингвальных авторов в аспекте языковой биографии:

Как представляется, с появлением этих и других работ перед исследователями (этно)языковых и культурных процессов, неизбежно связанных с процессами би-, транслингвизма и транскulturации, окончательно выкристаллизовалось актуальное направление — языковая биография, которая может быть определена и как онтология языкового бытия или онтология иноязыкового бытия (если речь идет о речемыслительной деятельности на языке иного этноса — о транслингвизме) [9].

Каур черпает вдохновение в себе, своей матери и близких; она исследует проблемы, с которыми сталкиваются индийские женщины и иммигранты. История освоения нового пространства становится семантически сверхнасыщенным нарративом. В метатексте сборника “The Sun and her Flowers” звучит архетипический мотив *своего круга*, который кристаллизован в таких сюжетных

³ Каур Пуни. The Sun and her Flowers. С. 240.

⁴ Rao Sonia. Few read poetry, but millions read Rupi Kaur // The Boston Globe. 2017. 11 October.

⁵ Rupi Kaur reinvents poetry for the social-media generation // The Economist. 2017. 1 November.

репрезентациях, как бегство, пересечение границ (культурных и языковых), вживание в новый социальный контекст.

Шаг за шагом Каур восстанавливает последовательность событий, которые предшествовали иммиграции ее семьи в Канаду. Архетип «дом», чрезвычайно значимый для сборника, реализуется в нескольких актуальных для Каур образах. Первый из них — пространственный код, который выступает вместилищем нового мира — мира, не способного принять лирическую героиню. Второй воплощен в идее телесного: тело также выступает для Каур топосом обитания, с которым она не в силах смириться. Мотив отвержения собственного тела становится для книги стихов доминирующим. Отчасти это связано с пережитыми Каур травмами, в том числе изнасилованием. Третий коррелирует с онтологемой «язык», который на протяжении всей структуры повествования воспринимается героиней как культурный барьер, требующий преодоления.

Книга “The Sun and her Flowers” состоит из пяти глав, каждая из которых повествует о своей истории: увядании, падении, ускорении, восхождении, цветении. Симптоматично, что семантический комплекс заголовочного ансамбля вбирает в себя две смысловые траектории: природные процессы, происходящие с растениями (и метафорически коррелирующие с человеческой жизнью), и движение (подконтрольное и неконтролируемое) субъекта, наделенного волей. Так, падение — процесс, который на уровне мироощущения можно охарактеризовать как провиденциальный: падение случается с субъектом, переводя его в статус объекта; актив становится пассивом. На уровне синтаксической структуры такая трансформация транслирует идею воздействия на субъекта высших сил. Это, по словам А. Вежбицкой, переживание провиденциального опыта. В поэзии Каур падение имеет соматический и фитонимический подтексты. С одной стороны, данный мотив (падение тела) сообщает субъекту статус жертвы. С другой стороны, в землю падает семя, чтобы прорасти в нем в новом качестве. Телесный код репрезентирован и в мотиве восхождения, который также становится двойственным: это восхождение человека к новым для него вершинам и восхождение как рост цветка. Главы «Увядание» и «Цветение» непосредственно связаны с заголовочным комплексом книги стихов. Человек в эстетическом мироощущении Каур есть часть природного мира, который живет и развивается по его (мира) естественным законам:

think is the recipe of life	they will teach you
said my mother	that people too
as she held me in her arms as i wept	must wilt
think of those flowers you plant	fall
in the garden each year	root
	rise
	in order to bloom ⁶ .

Глава «Ускорение» посвящена темам иммиграции, поискам своего места в мире и освоения нового языка. Иммигрант становится для Каур транслятором идеи моста между двумя пространствами, которые могут так никогда и не стать домом. Лирический субъект стихотворения «Иммигрант» явлен имплицитно. Его экзистенциальный модус реализован сквозь призму восприятия другими («они»), для которых внеаходимость героя — непостижимая категория:

they have no idea what it is like	to have your entire life
to lose home at the risk of	split between to lands and
never finding home again	become the bridge between two countries ⁷ .

Примечательно, что мотивы расщепления и стягивания выступают в контексте стихотворения как диалектическое единство. Характерен и выбор местоимения *они*, актуализирующего идею максимального дистанцирования внешних наблюдателей от местоименно невыраженного лирического субъекта. Местоименная невыраженность субъекта — важный транслингвальный

⁶ Каур Пуни. The Sun and her Flowers. С. 208.

⁷ Там же. С. 214.

маркер. Инфинитивные конструкции актуализируют идею субъектного переживания, однако не называют перцептива. С точки зрения экспликации заложенного в контексте стихотворении смысла происходит нивелирование идентичности как таковой.

Переживание этнической травмы является для Каур болезненным опытом. В стихотворении «Лагерь беженцев» она пишет:

you are an open wound
and we are standing
in a pool of your blood⁸.

Называя каждого из иммигрировавших *открытой раной*, Каур расслаивает нарратив на два модуса, каждый из которых относится к старшему и младшему поколениям; при этом именно дети иммигрантов стоят в луже крови, пролитой их родителями. Переживание *потери* родины старшим поколением как мотив объективирован в стихотворении «Покинуть родину»:

leaving her country
was not easy for my mother
i still catch her searching for it
in foreign films
and international food aisle⁹.

Примечательна деталь «иностранных» (фильмов): для лирической героини кино на этнически родном языке воспринимается как иностранное (чужое). Она дистанцирована от родной культуры, но все еще не инкорпорирована в новую реальность. О том, что страна не принимает ее, повествует стихотворение «Лодка»:

in a country that wants to spit you out you have to keep going and going and going <...>	how many people has this water drunk up it is all one long cemetery bodies buried without a country perhaps the sea is your country perhaps the boat sinks because it is the only place that will take you ¹⁰ .
--	---

Внезаходимость и бездомность становятся для лирической героини основой мироощущения:

perhaps we are all immigrants
trading one home for another
first we leave the womb for air
then the suburbs for the filthy city
in search for a better life
some of us just happen to leave entire countries¹¹.

Негативное отношение к колонизации как силе, расколовшей мир на части и превратившей многие народы в надтерриториальных этнических индивидов, выражено в стихотворении «Колонизация»:

you split the world into pieces and called them countries	declared ownership on what never belonged to you and left the rest with nothing ¹² .
---	---

Лирическая героиня на протяжении всей истории, рассказываемой в книге стихов, пытается собрать воедино осколки разбитого зеркала, чтобы увидеть в нем *целостную себя*. Она преодолевает ненависть к собственному телу, не похожему на тела других женщин, сопротивление

⁸ Каур Рупи. The Sun and her Flowers. С. 219.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ Там же. С. 228.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² Там же. С. 250.

реальности, которая пытается ее отторгнуть; учится сживаться с новым для себя языком, постепенно отходя от восприятия его как враждебного и чуждого. Постепенно язык, отождествляемый Каур с «культурной бомбой» (определение Нгуи Ва Тхионго), становится для нее культурным мостом к новой идентичности — не дефективной, но сложной и способной обрести свое место в мире. Этот путь идентификации прослеживается в стихотворении «Акцент»:

my voice	and my mother tongue
is the offspring	made love my voice
of two countries colliding	is her father's words
what is there to be ashamed if	and mothers's accent
if english	what does it matter if
	my mouth carries two worlds ¹³ .

Несмотря на то что эпитет «столкнувшиеся» (страны) указывает на изначальную конфронтацию между двумя странами, лирическая героиня Каур приходит к выводу, что ее род способен вместить в себя два мира. Как видим из реконструированной фабулы — общей для книги стихов повествовательной структуры, ей постепенно удается прийти к новому для себя мироощущению — мироощущению человека, который становится мостом между двумя семиотическими пространствами языков и культур.

Заключение

Поэзия Рупи Каур — это интроспекция тех душевных переживаний, которые оставляет после себя опыт коллективной этнической травмы. Культура сикхов, усвоенная поэтессой в процессе интергенеративной трансмиссии, стала тем базисом, из которого кристаллизовались основные сюжеты ее творчества: единство всего сущего; невозможность принять парцелляцию осмысленного мира; дисморфобия и принятие себя; поиск своего места в мире; путь к языку, способному вместить в себя новую, усложненную идентичность. Каур приспособливает английский язык под свои нужды; в первую очередь это выражается в графике, повторяющей визуальную стилистику языка ее родителей. Тема иммиграции в книге стихов “The Sun and her Flowers” становится для Каур ключевой. Через опыт коллективного она пытается пройти собственную самоидентификацию. Языковые элементы ее поэтического дискурса указывают на то, что дистанцирование от опыта родителей, пусть и неосуществимое полностью, все же постепенно намечается. В отличие от матери, так и оставшейся иностранкой в новой стране, Каур приходит к тому, что может стать транслятором новых смыслов, предлагая читателю опыт исцеления поэзией — опыт, который манифестирован ею как индивидуальная жизненная программа.

Литература/References

1. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170 // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2017. Т. 14. № 2. С. 155–170.
2. Прошина З.Г. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170 // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2017. T. 14. No. 2. S. 155–170.
3. Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации: жить никогда, писать ниоткуда. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 416 с.
4. Postanova M.V. Postsovskaia literatura i estetika transkul'turatsii: zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Moscow: Editorial URSS, 2004. 416 s.
5. Kellman S.G. Literary translanguaging: what and why? DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346 // Polylinguality and Transcultural Practices. 2019. Vol. 16. No. 3. P. 337–346.
6. Бахтиркуева У.М., Валикова О.А., Кинг Дж. Translingualism: communicative bridge or “cultural bomb”? DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-116-121 // Polylinguality and Transcultural Practices. 2017. Vol. 14. No. 1. P. 116–121.
7. Бахтиркуева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры. DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63 // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–63.

¹³ Каур Рупи. The Sun and her Flowers. С. 254.

Bakhtikireeva U.M., Valikova O.A. Translingvizm i revitalizatsiia kul'tury. DOI 10.22363/2313-2299-2017-8-1-57-63 // Vestnik RUDN. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. No. 1. S. 57–63.

6. *VanderBeek C.* To be a child of diaspora: the irreconcilable outsider in Sikh discourse. DOI 10.1080/17448727.2018.1545192 // Sikh Formations. Religion. Culture. Theory. 2020. Vol. 16. Iss. 1–2. P. 187–199.

7. *Khalsa G.S.* Five paragons of peace: magic and magnificence in the Guru's way. Toronto: Monkey Minds Press, 2010.

8. *Huggan G.* Re-evaluating the postcolonial exotic // Interventions. 2020. No. 22 (7). P. 808–824.

9. *Бахтикирева У.М.* О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 80–84.

Bakhtikireeva U.M. O translingvizme i transkul'turatsii cherez prizmu odnoi iazykovoi biografii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2016. No. 2 (50). S. 80–84.

Кулиева Шекер Авдыевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Российский университет дружбы
народов

Kulieva Sheker A.,
Candidate of History,
Associate Professor of the Foreign
Languages Department
Peoples' Friendship University
of Russia

e-mail: shekkul@mail.ru

Щенникова Нина Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Институт русского языка
Российский университет дружбы
народов

Shchennikova Nina V.,
Candidate of Philology, Associate
Professor of the Russian Language
and Intercultural Communication
Department
Institute of the Russian Language
Peoples' Friendship University of Russia

e-mail: ninashenn@gmail.com

